

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

АНТОНЯН Карина Георгиевна / Karina ANTONYAN

| Отзыв на книгу М. Столяр |

АНТОНЯН Карина Георгиевна / Karina ANTONYAN

Россия, Санкт-Петербург.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
Факультет философии человека. Кафедра теории и истории культуры.
Доцент, кандидат культурологии.

Russia, St. Petersburg.
Herzen State Pedagogical University. Department of theory and history of culture.
PhD in cultural research, senior lecturer.

hkrc@list.ru

ОТЗЫВ НА КНИГУ М. СТОЛЯР «СОВЕТСКАЯ СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА*»

Рецензия на книгу М. Столяр «Советская смеховая культура». Основное внимание уделено авторской типологии смеховой культуры. Смеховое начало находится в неоднозначных отношениях с советской идеологией и властью, одновременно оппозиционных и взаимозависимых.

Ключевые слова: смеховая культура, советская культура, идеология, юмор, религиозный

A Review of M. Stolyar's book: "The Soviet Laughter Culture"

A review of the book "The Soviet Laughter Culture". The review focuses on the author's typology of laughter culture. Laughter begins with the ambiguous relations of Soviet ideology and power, as well as its opposition and interdependency.

Key words: laughter culture, Soviet culture, ideology, humor, religion

* М. Столяр «Советская смеховая культура». — К.: Стилюс, 2011. — 304 с.

Советская культура вот уже более двух десятилетий является предметом осмысления и рефлексии отечественной гуманитарной мысли. Книга М. Столяр предлагает обратить внимание на тему, которая, по словам автора, «не актуальная, а просто интересная в научном смысле слова» (с. 6), а именно на динамику смеха и смешного, ибо «в каждой марксистско-ленинской идеологии можно найти симметричное профанное соответствие в смеховой культуре» (с. 7).

Смеховая культура калькирует идеологию как по форме, так и по содержанию. Соотношение идеологии и смеха проходит на уровне сопоставлений священное — профанное. Смешное выступает и как орудие власти, и как некая подрывная работа, направленная против идеологической машины, и как своеобразное сотрудничество идеологического и смехового пластов советской культуры. Книга выстроена в логике исторической преемственности, в которой сменяют друг друга доминирующие типы смехового мира и претерпевают изменения его взаимоотношения с идеологией.

Этот труд отличает ярко выраженный авторский взгляд. Исследование субъективно уже в силу того, что это взгляд на рассматриваемую проблематику отчасти изнутри, с имеющейся заранее оценочной историко-культурной позиции. Так, автор хочет видеть в произведениях М. Зощенко идеологическую подоплеку, и он её находит, а у И. Ильфа и Е. Петрова — оппозиционность, и тоже находит. Когда автор сам является частью той культурной ситуации, которую делает объектом своего исследования, материал имеет свойство сливаться с внутренним опытом и внутренней оценкой. Автор находится в двойственном положении, при котором он одновременно и субъект исследования, и объект, будучи частью той самой советской культуры. Подобная рефлексия порождает самобытные тексты, которые в свою очередь сами вполне могут представлять интерес в качестве предмета анали-

АНТОНЯН Карина Георгиевна / Karina ANTONYAN

| Отзыв на книгу М. Столяр |

М. Столяр.

за. Примером и доказательством такого слияния научного текста с бытийным субъективным опытом проживания в советской культуре, являются многочисленные примеры «из жизни», которыми изобилует книга (например, в главе, посвященной розыгрышам). Такие живые сценки, представленные либо из личного опыта, либо записанные со слов очевидцев и участников, оформляют живую ткань повествования, воссоздают неповторимую ауру живой культуры.

В советской культуре заложен огромный потенциал для изучения и интерпретации. Каждый народ, каждая нация, безусловно, обладают своим, свойственным только им чувством юмора, своими темами для шуток и остротами, понятными исключительно внутри культурного универсума. Посему советский юмор, с одной стороны, открыт, всепонятен, с другой стороны, многие нюансы активно воспринимаются только теми, кто сам является носителем советского мировоззрения.

Книга состоит из глав, объединенных не столько строгой структурой (хотя, безусловно, присутствует внутренняя логика, отвечающая общей авторской концепции), сколько одной интересующей автора темой, — темой смеха. Подобному тематическому принципу организации живой исторической памяти П. Нора в контексте концепции «мест памяти» отводит главенствующее место, поскольку история реконструирует то, чего уже нет в логике преемственности, в то время как память пребывает в постоянном настоящем, возвращая прошедшее в актуальное сегодня. Значение приобретает не столько факт того или иного события или восстановление точной фактологической канвы, сколько восприятие вещи, события, персонажа и т.п. изнутри, что и показывается здесь на материале смехового мира. Смех, юмор, сатира — сфера эмоциональной реакции,

которую сложно подделать, на деятельность власти и идеологию. Рассматриваемые виды и типы смешного зачастую несут аутентичный самобытный характер, это юмор, который близок и понятен, прежде всего, наследникам советской действительности. Ибо то другая система ценностей, иная система координат, это зазеркальный закрытый мир, в котором понятия и явления могут нести совершенно неожиданную для непосвященных смысловую нагрузку. И в книге подобное наблюдение тоже присутствует: «Чем больше времени проходит с момента написания какого-либо произведения смеховой культуры, тем тяжелее понять его именно в смеховом качестве. Повод к смеху можно сравнить с неустойчивым химическим соединением, которое очень быстро разлагается, при этом первоначальный смысл почти не поддается восстановлению» (с. 81). Можно описать идеологию, опираясь на существующие источники и научные труды, но отношение к идеологии, отношения с идеологией внутри системы, можно воспроизвести только на уровне ощущений, здесь требуется метод интроспекции, к которому и прибегает автор.

Заслуживает внимания созданная автором типология советской смеховой культуры, на основе выявляемого наиболее востребованного и репрезентативного типа смешного в тот или иной временной отрезок. А также в заключении приводится к общему знаменателю соответствия видов и тем советской смеховой культуры с действиями властно-идеологической советской машины. Подчеркивается уникальность отечественного опыта этого соответствия, оспаривается устоявшаяся благодаря М. М. Бахтину версия противостояния смеха и идеологии. Вернее, оспаривается применимость такого подхода по отношению к советской практике. Автор на протяжении всей книги описывает множество вариантов взаимоотношений власти, идеологии и смеховой культуры, в итоге приходя к пяти основным типам таких взаимоотношений.

Выстраивая книгу как «неформальный научный труд», автор оживляет эпоху и передает нюансы, которые могут быть уловлены и описаны только при опоре на личный субъективный опыт, что отчасти роднит работу с мемуаристикой. Автор выделяет такие формы смеховой культуры, как косноязычие (связанное с появлением большого количества новых слов и выражений, смысл которых не всегда до конца был усвоен не только низами, но и верхами, и ставших в итоге мертвыми идеологическими штампами), философская ирония, цирк, кураж, прибаутка, розыгрыш, сказка (Е. Л. Шварц), смех вопреки (военные годы, А. Твардовский), юмор научных сотрудников, праздники, феномен телевидения, заполняющего увеличившееся свободное время, конечно же анекдот, кинокомедии.

В 1920–1930-е годы высмеивалось косноязычие, порожденное новой языковой практикой. Взаимозависимость и взаимопереплетение идеологического и оппозиционного становились настолько тесными, что порой они менялись местами (как, например, в «Двенадцати стульях»). Известен феномен эзопова языка, который обнаруживался даже там, где он не был задуман автором произведения (в книге эта незапланированная кодировка демонстрируется на примере творчества М. Зощенко). Был создан целый государственный аппарат по выявлению зашифрованных смыслов художественных произведений

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY

АНТОНЯН Карина Георгиевна / Karina ANTONYAN

| Отзыв на книгу М. Столяр |

(прежде всего в литературе и кинематографе) советского времени. Полунамеками, условными знаками в период военного времени начинает пользоваться А. Твардовский, демонстрируя нестыковки в официально транслируемой версии реальности. Также кодирует правду, камуфлируя оппозиционность власти, в своих детских сказках Е. Шварц.

Философская ирония А. Ф. Лосева начиналась с философской сатиры (что плохо закончилось для ученого). Ирония А. Ф. Лосева зиждется на противостоянии идеологии, хотя она не всегда на поверхности (как признается автор, порой нужно охватить единым взглядом все творческое наследие А. Ф. Лосева, чтобы уловить нить иронии).

Официально признанным смеховым полем был цирк, занимавший особое место в советской действительности. Внешне, казалось бы, цирк представляет абсолютно деидеологизованную область, однако автор, анализируя феномен и значение цирка, отмечает его внутреннюю глубинную связь с идеологическим содержанием (можно было бы уточнить «идеологическим», от «идеала», ибо в тексте, скорее, говорится о цирке как воплощении именно идеала, нежели идеологии). В цирке прослеживается прямой посыл к титанизму, преображенному человечеству, победившему и подчинившему природу. Отмечая религиозные черты советского цирка, автор отмечает, что в советском варианте такое религиозное явление как чудо, десакрализуется, обретает характер трюка. Цирк оборачивается выхолащенным, лишенным своего подлинного духовного содержания, вариантом религиозной веры.

Попытка приручения смехового начала, по сути своей мало поддающегося подобному действию, осуществлялась в частушке, расцветшей в довоенное и военное время. В советские годы власть старалась внести в эту неподконтрольную область идеологическое содержание, сделать частушку назидательной, заставить служить своим целям. Как отмечает автор: «...частушку попытались сделать «очень кратким» курсом ВКП(б) — в четверостишьях», превратить ее в «катехизис для неграмотных и малограмотных» (с. 67). Однако в советском варианте частушки на первый план вышли «бойкость и показной оптимизм» (с. 69), что привело к созданию псевдочастушек, лишенных живого свободного юмора.

В военные годы автор выделяет помимо прочих видов смехового прибаутку, мастером которой являлся А. Твардовский. Опасности войны благодаря высмеиванию теряют свой заряд страшного, нейтрализуются юмором.

Из области социального в область человеческого сердца и души переносит место действия Е. Шварц в своих сказках. Сатира Е. Шварца предстает как тема серьезная, глубоко философская, она становится приемом философского анализа зла.

Послесталинское время открывается таким видом смеховой культуры как розыгрыш, получивший распространение в 1960-х годах. Розыгрыш — это обращенный страх, когда что-то страшное вдруг оборачивается пустяшным и безобидным. Каждому периоду соответствует свой тип смешного, и расцвет розыгрышей маркирует «оттепельное» состояние культуры. Тогда же, в 1960–1970 гг., происходит и сращение таких двух ранее противоположных областей как наука (исконная область серьезного) и юмор. Смеховая культура научных сотрудников нашла выражение в таких оригинальных формах как капуст-

ники, розыгрыши, стенгазеты, специальные сборники «околонаучного юмора». Наука отходит от жесткой идеологизации, пропитывается юмором. Смешным предстает рассекречивание тайных механизмов научной жизни. Но такое профанирование профессиональных секретов происходило, прежде всего, внутри самого научного мира, высокий статус науки сохранялся и охранялся.

Анализируется и такая область смеховой культуры, как праздники и зрелища (прежде всего телевизионные). Телевидение в 1960-х годах уже прочно вошло в повседневность советского человека. С одной стороны, автор отмечает заидеологизованность телевидения, с другой же стороны, благодаря телевидению зритель получал возможность видеть кинокомедии и специальные юмористические телепередачи, такие как КВН, Кабачок 13 стульев, выступления сатириков (и здесь главная фигура — Аркадий Райкин). Аркадий Райкин предстает в данной книге как хранитель добра (или иллюзии добра, ибо действительность не совпала с ее художественным воплощением), ретранслятор вечных советских ценностей.

В качестве реакции на идеологический запретительный дискурс советской власти в 1960–1980-е годы расцветает политический анекдот. Он актуален и работает на злобу дня. Анекдот проявляется одновременно и как оппозиционный феномен, и как часть самой системы, имеет амбивалентный характер, выступает как дополнительная часть идеологии: «...советский политический анекдот был не столько формой отрицания государственной идеологии, сколько формой ее профанации, жизненно заинтересованной в существовании первоисточника» (с. 217).

Интересно представлен анализ творчества Л. Гайдая, в фильмах которого ведущим смеховым началом является трюк, и Э. Рязанова, у которого сильно лирическое начало, а центральным моментом является чудо внутреннего преображения человека. Оба режиссера известны своими ставшими хрестоматийными для отечественной культуры кинокомедиями, выразившими два разных типа репрезентации смехового начала.

Конечно, нельзя не отметить постоянные отсылки к религии (и сам автор признается, что часто бывает попрекаем за это в научном сообществе, с. 179). Наблюдаются многочисленные противопоставления и аналогии советской идеологической системы с религиозными ценностями. Советская культура предстает как некий перевертыш религии, квазирелигия. Для мыслителей (самый известный пример, конечно же, Н. Бердяев), которые из Серебряного века вдруг оказались в круговороте социальных и культурных преобразований советской поры, такие аналогии вполне понятны. Предыдущий этап недаром называют «религиозным ренессансом», темы религиозности и сама религиозность как проблема были весьма востребованы в интеллектуальном и художественном дискурсе дореволюционной поры. В современной интерпретации проводить прямые параллели с религиозными символами — райский сад, изгнание из рая, человек в аналогии с богом и светилом, цирк в аналогии с храмом, а клоун в аналогии с юродивым, идея чуда, первомайская демонстрация как аналог крестного хода и т. п. — это своеобразное насилие над самим духом эпохи, отвергавшей всякий религиозный

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ / CULTURAL MEMORY*АНТОНЯН Карина Георгиевна / Karina ANTONYAN*

| Отзыв на книгу М. Столяр |

пафос. Впрочем, такое запараллеливание темы советской культуры и религии встречается нередко. Советская культура, увиденная сквозь призму христианской религиозности и христианские ценности, подвергается дополнительной символической декодировке, влекущей за собой некоторый исследовательский и интерпретационный произвол. Тема веры и религии, видимо, близка самому автору, поэтому она неизбежно обнаруживается в каждой главе, и атеист А. Твардовский оказывается примешан

к делу православной веры, и эсхатологический характер приобретает творчество Е. Шварца.

«Советская смеховая культура» — это очень живая книга, с узнаваемым авторским стилем письма, позволяющим следить за тем, как во времени разворачивается мысль автора, книга, лишенная академизма и претензии на доктринальность. Она вызывает эмоциональный отклик и открывает с новых точек зрения многоликость советской культуры.

